Правовая природа цифровых финансовых активов: соотношение с бездокументарными ценными бумагами

Шишова Валентина Дмитриевна,
юрист, ООО «Верба Лигал», valentina.shishova02@gmail.com

В статье исследуется правовая природа цифровых финансовых активов (ЦФА) в контексте их соотношения с традиционными бездокументарными ценными бумагами. На основе сравнительно-правового анализа положений российского гражданского законодательства, норм Федерального закона № 259-ФЗ и доктринальных подходов выявляются ключевые точки соприкосновения и технологические различия данных институтов. Особое внимание уделено специфике фиксации прав, роли операторов информационных систем как новых инфраструктурных посредников и проблемам защиты прав инвесторов на цифровом финансовом рынке. Обосновывается вывод о конвергенции правовых режимов ЦФА и бездокументарных ценных бумаг, а также предлагаются направления по совершенствованию законодательства в целях преодоления регуляторного арбитража.
Ключевые слова: цифровые финансовые активы, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, распределенный реестр, оператор информационной системы, инвестор, ценные бумаги.

Введение

Процессы цифровизации, охватившие глобальный финансовый сектор, привели к качественной трансформации институтов гражданского права. Традиционные механизмы привлечения инвестиций и фиксации имущественных прав постепенно уступают место высокотехнологичным цифровым инструментам. Статистика отечественного рынка наглядно подтверждает эту тенденцию: если в начале 2024 года объем выпусков цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) исчислялся десятками миллиардов рублей, то по итогам первого квартала 2026 года этот показатель продемонстрировал многократный рост и составил 1,375 трлн рублей. Экспертные прогнозы указывают на сохранение экспоненциальной динамики развития данного рынка в среднесрочной перспективе.

Появление в российском правовом поле Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) ознаменовало создание специальной нормативной базы для токенизированных инструментов. Однако легализация ЦФА породила сложную теоретико-практическую дискуссию относительно их юридической природы. В цивилистической науке возник фундаментальный вопрос: представляют ли собой ЦФА принципиально новый объект гражданских прав или же они являются технологической модификацией уже известных гражданскому праву конструкций, прежде всего – бездокументарных ценных бумаг?

Актуальность исследования правовой природы ЦФА обусловлена необходимостью формирования непротиворечивой методологической базы для правоприменительной практики. Существующий разрыв между общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о цифровых правах и специальными положениями Закона о ЦФА создает риски регуляторного арбитража, затрудняет квалификацию сделок и снижает уровень правовой защищенности инвесторов.

Теоретико-правовые подходы к определению юридической сущности ЦФА

Отечественный законодатель при регулировании цифровых активов отказался от механического распространения классических норм о рынке ценных бумаг на новые технологические объекты, избрав путь создания специального комплексного регулирования. Согласно статье 128 ГК РФ цифровые права признаются самостоятельным видом объектов гражданских прав, относящимся к категории имущественных прав. В свою очередь, Закон о ЦФА определяет данные активы как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества (далее – НПАО) и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

В доктрине сложилось несколько подходов к осмыслению юридической природы ЦФА. Сторонники первого подхода склонны усматривать в ЦФА исключительно цифровую форму фиксации традиционных имущественных прав, не обладающую принципиальной новизной с точки зрения материального права. В литературе подчеркивается, что технологические особенности распределенного реестра никак не влияют на юридическую сущность регулируемых отношений и содержание имущественных прав

[9; 10]. С этой позиции ЦФА выступают аналогом бездокументарных ценных бумаг, представляя собой лишь иную технологическую среду для закрепления обязательственных или корпоративных требований.

Противоположная точка зрения основывается на признании ЦФА уникальным, комплексным объектом (sui generis). В рамках данного подхода утверждается, что цифровая форма придает активу новые свойства, нехарактерные для традиционных инструментов. В частности, речь идет о возможности «расщепления» совокупности прав, удостоверяемых активом [1]. Если классическая ценная бумага (например, акция) всегда воплощает в себе неразрывную совокупность имущественных и неимущественных прав, то при выпуске ЦФА становится возможным обособление отдельных правомочий – например, передача права голоса на общем собрании акционеров без перехода права собственности на саму акцию [1].

Существенной доктринальной проблемой является преодоление так называемой «тройственности» правовой природы некоторых видов ЦФА, в частности цифровых акций [12]. Из анализа действующего законодательства следует, что такие инструменты одновременно могут быть квалифицированы как ценные бумаги (в силу статьи 142 ГК РФ и профильного законодательства об акционерных обществах), как цифровые права (согласно Закону о ЦФА) и как сложная совокупность корпоративных полномочий акционера. Такое нагромождение юридических конструкций представляется избыточным. Более обоснованным видится подход, в соответствии с которым любая акция – как традиционная, так и цифровая – по своей сути является охраняемой законом совокупностью прав, а способ ее фиксации (электронная запись на счете депо или цифровой код в блокчейне) носит вторичный характер.

На международном уровне, в частности в рамках СНГ, также прослеживается тенденция к унификации представлений о цифровых активах. Принятый 14 апреля 2023 года Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ Модельный закон «О цифровых финансовых активах» предлагает дефиницию, согласно которой ЦФА признается цифровой актив, удостоверяющий обязательственные и/или корпоративные права, должником по которому выступает лицо, привлекающее инвестиции в информационной системе. Данное определение сближает ЦФА с инвестиционными ценными бумагами, указывая на их общую экономическую функцию.

Соотношение ЦФА и бездокументарных ценных бумаг: общие признаки и инфраструктурный дуализм

Сопоставление ЦФА и бездокументарных ценных бумаг позволяет выявить глубокое материально-правовое и экономическое сходство данных институтов, предопределенное единством их целевого назначения в современном гражданском обороте. Прежде всего, оба этих правовых феномена характеризуются выраженным нематериальным характером, поскольку они полностью лишены физической оболочки и не могут существовать обособленно от поддерживающих их систем учета. Вне соответствующей учетной среды данные объекты теряют свои юридические свойства, превращаясь в абстрактные программные коды или информационные записи.

Схожим образом конструируется и механизм легитимации управомоченного лица на рынке ценных бумаг и в сфере обращения цифровых прав. Владелец бездокументарной ценной бумаги и обладатель ЦФА подтверждают свои права на соответствующий актив не путем непосредственного предъявления материального документа, а посредством демонстрации факта наличия записи на своем лицевом счете или в распределенном реестре. Любое распоряжение этими правами, равно как и их обременение, становится возможным исключительно после совершения уполномоченным субъектом соответствующих регистрационных или технологических действий в обслуживающей системе. Функциональная эквивалентность данных институтов находит свое отражение и в тождестве удостоверяемых ими имущественных благ. Обе рассматриваемые правовые конструкции служат для фиксации однородных по своей экономической сути притязаний, включая денежные требования к должнику, права на участие в уставном капитале коммерческих организаций и права требования передачи иных финансовых инструментов [8].

Несмотря на столь существенное концептуальное сходство, проведение между ними полного знака равенства представляется преждевременным ввиду наличия серьезных технологических и структурных различий, лежащих в основе их функционирования. В то время как традиционные бездокументарные ценные бумаги базируются на централизованных электронных базах данных, ведение которых осуществляется профессиональными регистраторами и депозитариями, ЦФА существуют в децентрализованной или распределенной программной среде. Применение технологии блокчейн и алгоритмов смарт-контрактов позволяет автоматизировать большинство транзакционных процессов, обеспечивая моментальное исполнение взаимных обязательств сторон сделки в режиме реального времени [2]. Напротив, классические биржевые расчеты по ценным бумагам требуют прохождения многоступенчатых процедур клиринга и расчетов через центрального контрагента, что существенно увеличивает временной лаг между моментом заключения сделки и фактическим переходом права собственности.

Дополнительным важным отличием выступает гибкость правового наполнения цифровых активов, обусловленная возможностью конструирования так называемых гибридных прав. Традиционные бездокументарные облигации, даже при наличии индексации их доходности к стоимости сырьевых товаров, в конечном итоге предполагают исключительно денежную форму исполнения обязательства при его прекращении. В свою очередь, специфика программируемой среды ЦФА позволяет закладывать в решение о выпуске возможность реальной физической поставки базового актива, например драгоценных металлов, непосредственно инвестору в момент погашения.

Существенные расхождения обнаруживаются и в сфере государственного регулирования информационной прозрачности эмитентов. Законодательство о рынке ценных бумаг налагает на эмитентов жесткие, дорогостоящие и строго регламентированные обязанности по раскрытию информации, включающие подготовку проспектов ценных бумаг, ежеквартальных отчетов и сообщений о существенных фактах. Для выпуска ЦФА предусмотрен значительно упрощенный режим, при котором ключевым и зачастую единственным информационным документом выступает решение о выпуске цифровых прав, утверждаемое ОИС без обязательного прохождения предварительной государственной регистрации. Это обеспечивает высокую скорость привлечения капитала, но одновременно перекладывает бремя оценки рисков на конечного инвестора.

Анализ инфраструктурных особенностей обращения ЦФА выявляет также глубокое теоретическое противоречие между положениями кодифицированного гражданского законодательства и нормами специального закона. В соответствии с общим правилом статьи 141.1 ГК РФ, цифровые права конструируются как инструменты, осуществление и распоряжение которыми возможны исключительно в информационной системе без обращения к какому-либо третьему лицу, что предполагает прямые связи

между участниками оборота по принципу децентрализации [5]. Однако специальный Закон о ЦФА фактически восстанавливает классическую посредническую модель, вводя фигуру оператора информационной системы в качестве обязательного субъекта, без ведома и технического участия которого невозможно совершить ни одну транзакцию с активом [7]. В данном случае наблюдается очевидное отступление от доктринальной идеи «беспосреднического» цифрового оборота в пользу квазидепозитарной модели, при которой ОИС наделяется полномочиями, сопоставимыми с правомочиями профессионального участника рынка ценных бумаг [6].

Существенным вектором сближения двух систем может стать реформирование института посредников, предлагаемое законопроектом № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах». Проект закона предлагает ввести в оборот фигуру «цифрового депозитария» – организации, осуществляющей учет и переход прав на цифровую валюту и цифровые права, а также предоставляющей доступ к адресам-идентификаторам. Введение данного института свидетельствует о постепенном стирании технологических различий в способах учета: проект закона устанавливает, что оператор размещения (аналог ОИС) обязан иметь статус цифрового депозитария.

Более того, в законопроекте проектируется обязанность открытия цифровыми депозитариями системы специальных цифровых счетов (счетов обладателя, номинального держателя, доверительного управляющего, казначейских, клиринговых и транзитных счетов). С теоретической точки зрения это представляет собой прямую нормативную рецепцию системы счетов депо, исторически сложившейся на классическом рынке ценных бумаг. Оценивая данное предложение, можно констатировать, что законодатель фактически признает нежизнеспособность «беспосреднической» модели цифровых прав в условиях массового инвестиционного рынка. С одной стороны, переход к цифровым депозитариям повышает надежность учета, но с другой – неизбежно приводит к монополизации рынка крупными банковскими конгломератами, способными соответствовать жестким требованиям к капиталу и операционной надежности цифровых депозитариев, вытесняя независимые финтех-платформы.

Таким образом, современный правовой режим ЦФА представляет собой компромисс между децентрализованными технологическими возможностями и требованиями жесткого государственного контроля над финансовой стабильностью.

Механизмы защиты прав инвесторов: проблемы и пробелы регулирования

Формирование эффективного правового режима любого финансового инструмента невозможно без создания надежной системы защиты прав инвесторов. На рынке ценных бумаг за десятилетия его существования сформировался комплексный защитный механизм, включающий государственное регулирование, пруденциальный надзор Банка России и стандарты саморегулируемых организаций (СРО). В отношении рынка ЦФА данный институт находится на стадии становления, что обусловливает наличие ряда регуляторных пробелов.

В научной доктрине предлагается разделять механизмы защиты прав инвесторов на традиционном рынке и рынке ЦФА на три группы: общие, специальные и институциональные [11].

Общие механизмы включают требования к раскрытию информации, классификацию инвесторов на квалифицированных и неквалифицированных, а также ответственность участников инфраструктуры.

В части раскрытия информации рынок ЦФА характеризуется существенно меньшей жесткостью требований по сравнению с рынком ценных бумаг [3]. Основным документом, содержащим сведения об активе, является решение о его выпуске. Эмитенты ЦФА освобождены от обязанности готовить и регистрировать дорогостоящие проспекты эмиссии и публиковать регулярную отчетность, что значительно снижает их издержки и ускоряет процесс привлечения финансирования. Однако оборотной стороной такой гибкости становится риск дефицита информации для розничных инвесторов, которые оказываются не в состоянии адекватно оценить кредитное качество эмитента, особенно в сегменте малого и среднего бизнеса.

Институт квалификации инвесторов на рынке ЦФА адаптирован из законодательства о рынке ценных бумаг. ОИС осуществляют признание лиц квалифицированными инвесторами по аналогичным критериям. Для неквалифицированных инвесторов Банком России установлены ограничения по типу ЦФА, а также лимит на приобретение высокорисковых активов в размере 600 тысяч рублей в год.

Ранее отмечавшийся в науке пробел, связанный с отсутствием законодательно закрепленного механизма обязательного тестирования неквалифицированных инвесторов на рынке ЦФА, предлагается преодолеть в рамках рассматриваемого законопроекта «О цифровой валюте и цифровых правах». Так, проект закона вводит императивное требование о проведении тестирования физических лиц, не являющихся квалифицированными инвесторами, силами лиц, осуществляющих организацию обращения (брокеров, управляющих, цифровых депозитариев). Данное тестирование предлагается проводить бесплатно на основе единых базовых стандартов защиты прав инвесторов, утверждаемых СРО и согласованных с Банком России. Оценка этой проектируемой нормы является сугубо положительной: она позволяет оперативно устранить регуляторный арбитраж между классическим и цифровым финансовыми рынками, защищая розничных инвесторов от недобровольного принятия на себя чрезмерных технологических и кредитных рисков.

Другим важным защитным нововведением, предлагаемым в проекте закона, выступает легализация института «представителя обладателей цифровых финансовых активов». По аналогии с классическим представителем владельцев облигаций на рынке ценных бумаг, представитель обладателей ЦФА сможет без доверенности осуществлять полномочия по защите прав инвесторов, в том числе подписывать исковые заявления, участвовать в судебных процессах и представлять интересы инвесторов перед эмитентом и лицами, предоставившими обеспечение. Оценивая проектируемый институт, следует отметить, что он решает острую для цифрового рынка проблему коллективной защиты прав розничных инвесторов. Тем не менее, потенциальной уязвимостью нормы является отсутствие детально прописанных механизмов контроля за деятельностью самого представителя и распределения расходов на его содержание, что может снизить практическую эффективность инструмента на первых этапах его внедрения.

Специальные механизмы защиты отражают технологические особенности инструментов. Принципиальные различия проявляются при нарушении порядка учета прав. Для владельцев бездокументарных ценных бумаг статья 149.3 ГК РФ предусматривает специальный способ защиты – иск о возврате незаконно списанных ценных бумаг (аналог виндикационного иска). В случае с ЦФА, функционирующими на базе распределенного реестра, реализация подобного механизма в натуре технически затруднена или невозможна из-за неизменяемости записей в блокчейне [4].

Закон о ЦФА в качестве основного способа защиты предлагает требование о возмещении убытков, обращенное к ОИС (статья 9 Закона о ЦФА). При этом ОИС несет ответственность за ненадлежащее функционирование информационной системы. Возникает вопрос об оценке кредитного риска самого ОИС [3]. Если традиционный депозитарий хранит ценные бумаги обособленно от собственного имущества, предохраняя их от взыскания в случае своего банкротства, то при дефолте ОИС или техническом сбое в приватном блокчейне инвесторы рискуют полностью утратить доступ к своим активам. В связи с этим предлагается консервативный подход к оценке рисков ЦФА, учитывающий кредитное качество не только эмитента, но и самого оператора системы.

Перспективы совершенствования законодательства и конвергенция правовых режимов

Существующие противоречия в понимании правовой природы ЦФА и пробелы в их регулировании требуют системной модернизации отечественного законодательства. Наблюдаемый процесс развития рынка свидетельствует о неизбежной конвергенции (сближении) правовых режимов ЦФА и бездокументарных ценных бумаг. Представляется, что дальнейшее развитие регулирования должно осуществляться по следующим ключевым направлениям:

1. **Гармонизация понятийного аппарата ГК РФ и специального законодательства.** Необходимо устранить терминологические расхождения между статьей 141.1 ГК РФ и нормами Закона о ЦФА в части определения роли посредников. Требует признания тот факт, что в современных реалиях обращение цифровых прав на финансовом рынке невозможно без участия лицензируемых инфраструктурных субъектов (ОИС и операторов обмена), чей статус аналогичен статусу профессиональных участников рынка ценных бумаг.

2. **Внедрение обязательного тестирования для розничных инвесторов.** Синхронизация правил допуска физических лиц к операциям с ЦФА и традиционными ценными бумагами позволит защитить интересы неквалифицированных инвесторов и снизить риски некорректной оценки сложных гибридных инструментов.

3. **Развитие стандартов раскрытия информации и рейтингования.** По мере интеграции рынка ЦФА с традиционной биржевой инфраструктурой необходимо выработать сбалансированные стандарты раскрытия информации эмитентами ЦФА. Это предотвратит превращение рынка цифровых прав в зону неконтролируемого размещения некачественных долгов эмитентов с низким кредитным рейтингом.

4. **Уточнение корпоративно-правовых последствий.** Требуется детальное урегулирование ответственности эмитентов ЦФА за неисполнение распоряжений владельцев цифровых прав при голосовании на общих собраниях акционеров. Целесообразно ввести симметричные меры административной ответственности в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), аналогичные тем, что действуют на рынке ценных бумаг за нарушение прав акционеров.

Перспективным направлением теоретического осмысления проблемы является отказ от жесткого разделения финансовых объектов на «ценные бумаги» и «цифровые права». В долгосрочной перспективе целесообразно консолидировать данные инструменты в рамках единой доктринальной категории – «инвестиционный финансовый инструмент» [12]. Это позволит снять искусственные барьеры, обусловленные технологической формой фиксации прав, и сформировать единые, универсальные правила игры для всех участников финансового рынка.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что ЦФА представляют собой закономерный этап эволюции институтов финансового рынка. Являясь по своей экономической сути цифровым аналогом бездокументарных ценных бумаг, ЦФА базируются на качественно иных технологических решениях – технологии распределенного реестра и смарт-контрактах, что обусловливает специфику их правовой природы.

Существующая модель регулирования ЦФА в Российской Федерации успешно выполнила задачу первоначального запуска рынка, однако на современном этапе она демонстрирует внутреннюю противоречивость и наличие регуляторных пробелов. Сближение правовых режимов ЦФА и бездокументарных ценных бумаг в части защиты прав инвесторов, раскрытия информации и пруденциального надзора является необходимым условием для масштабирования рынка и укрепления доверия к нему со стороны широкого круга инвесторов.

Разрешение доктринального конфликта между вещно-правовой и обязательственной трактовкой цифровых прав, а также гармонизация норм гражданского и корпоративного законодательства позволят создать в России передовую и безопасную юрисдикцию для обращения цифровых финансовых инструментов.

Литература

1. Абрамова Е. Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 10–13.
2. Белоусов А. Л. Правовые аспекты развития финансового сектора в условиях цифровизации // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. Казань : Познание, 2023. С. 15–19. EDN: BLRKCB.
3. Гагарина В. Как управлять рисками цифровых финансовых активов // Риск-менеджмент в кредитной организации. 2024. № 3. С. 103–107.
4. Иванов Л. Н. Защита прав инвесторов при привлечении средств через ЦФА: правовые механизмы и риски // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 2. С. 129–133.
5. Иванова С. А., Горбачева О. Ю. Юридическое содержание конструкции «цифровые финансовые активы» // Образование и право. 2024. № 5. С. 201–205.
6. Лаптева А. М. Правовое регулирование выпуска цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 95–108.
7. Новоселова Л. Оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский [и др.] // Закон. 2020. № 12. С. 17–28.
8. Перминова А. А. Цифровые финансовые активы как эквивалент корпоративных ценных бумаг: способы применения и возможные риски // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2025. № 1. С. 30–38.
9. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
10. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.
11. Темчук М. И. Сравнительно-правовой анализ защиты прав инвесторов в ценных бумагах и ЦФА: история вопроса, текущий статус и эволюция // Вестник арбитражной практики. 2024. № 3. С. 60–68.
12. Шевченко О. М. Правовая природа акций, выпускаемых в виде цифровых финансовых активов // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 75–80.

The legal nature of digital financial assets: correlation with uncertificated securities

Shishova V.D.
Verba Legal LLC

The article examines the legal nature of digital financial assets (DFAs) in the context of their correlation with traditional uncertificated (book-entry) securities. Based on a comparative legal analysis of the provisions of Russian civil legislation, the norms of Federal Law No. 259-FZ and doctrinal approaches, the key points of contact and technological differences of these institutions are identified. Special attention is paid to the specifics of fixing rights, the role of information system operators as new infrastructural intermediaries, and the problems of protecting the rights of investors in the digital financial market. The conclusion about the convergence of the legal regimes of DFAs and uncertificated securities is substantiated, and directions for improving legislation in order to overcome regulatory arbitrage are proposed.

Keywords: digital financial assets, uncertificated securities, digital rights, distributed ledger, information system operator, investor, securities.

References

1. Abramova, E. N. (2024). Tsifrovoi finansovyi aktiv kak tsifrovaia tsennaia bumaga [Digital financial asset as a digital security] // Grazhdanskoe pravo [Civil Law]. no. 1, pp. 10–13. (In Russ.)
2. Belousov, A. L. (2023). Pravovye aspekty razvitiia finansovogo sektora v usloviiakh tsifrovizatsii [Legal aspects of the development of the financial sector in the context of digitalization] // Tsifrovye tekhnologii i pravo : sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii : v 6 t. [Digital Technologies and Law : collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference : in 6 vols.]. Kazan' : Poznanie, pp. 15–19. EDN: BLRKCB. (In Russ.)
3. Gagarina, V. (2024). Kak upravliat' riskami tsifrovykh finansovykh aktivov [How to manage risks of digital financial assets] // Risk-menedzhment v kreditnoi organizatsii [Risk Management in a Credit Institution]. no. 3, pp. 103–107. (In Russ.)
4. Ivanov, L. N. (2025). Zashchita prav investorov pri privlechenii sredstv cherez TsFA: pravovye mekhanizmy i riski [Protection of investors' rights when raising funds through DFAs: legal mechanisms and risks] // Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki [Problems of Economics and Legal Practice]. vol. 21, no. 2, pp. 129–133. (In Russ.)
5. Ivanova, S. A., Gorbacheva, O. Iu. (2024). Iuridicheskoe soderzhanie konstruktsii "tsifrovye finansovye aktivy" [Legal content of the "digital financial assets" construction] // Obrazovanie i pravo [Education and Law]. no. 5, pp. 201–205. (In Russ.)
6. Lapteva, A. M. (2023). Pravovye regulirovanie vypuska tsifrovykh finansovykh aktivov [Legal regulation of the issuance of digital financial assets] // Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]. no. 8, pp. 95–108. (In Russ.)
7. Novoselova, L. (2020). Oborot tsifrovykh aktivov v России / K. Bormasheva, L. Novoselova, R. Iankovskii [et al.] [Circulation of digital assets in Russia / K. Bormasheva, L. Novoselova, R. Iankovskii [et al.]] // Zakon [Zakon]. no. 12, pp. 17–28. (In Russ.)
8. Perminova, A. A. (2025). Tsifrovye finansovye aktivy kak ekvivalent korporativnykh tsennykh bumag: sposoby primeneniia i vozmozhnye riski [Digital financial assets as an equivalent of corporate securities: ways of application and possible risks] // Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoi deiatel'nosti. PRED [Legal Regulation of Economic Activity. PRED]. no. 1, pp. 30–38. (In Russ.)
9. Sannikova, L. V., Kharitonova, Iu. S. (2018). Pravovaia sushchnost' novykh tsifrovykh aktivov [Legal essence of new digital assets] // Zakon [Zakon]. no. 9, pp. 86–95. (In Russ.)
10. Sukhanov, E. A. (2021). O grazhdansko-pravovoi prirode "tsifrovogo imushchestva" [On the civil law nature of "digital property"] // Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]. no. 6, pp. 7–29. (In Russ.)
11. Temchuk, M. I. (2024). Sravnitel'no-pravovoi analiz zashchity prav investorov v tsennykh bumagakh i TsFA: istoriia voprosa, tekushchii status i evoliutsiia [Comparative legal analysis of the protection of investors' rights in securities and DFAs: historical background, current status, and evolution] // Vestnik arbitrazhnoi praktiki [Herald of Arbitration Practice]. no. 3, pp. 60–68. (In Russ.)
12. Shevchenko, O. M. (2022). Pravovaia priroda aktsii, vypuskaemykh v vide tsifrovykh finansovykh aktivov [Legal nature of shares issued in the form of digital financial assets] // Predprinimatel'skoe pravo [Entrepreneurial Law]. no. 1, pp. 75–80. (In Russ.)